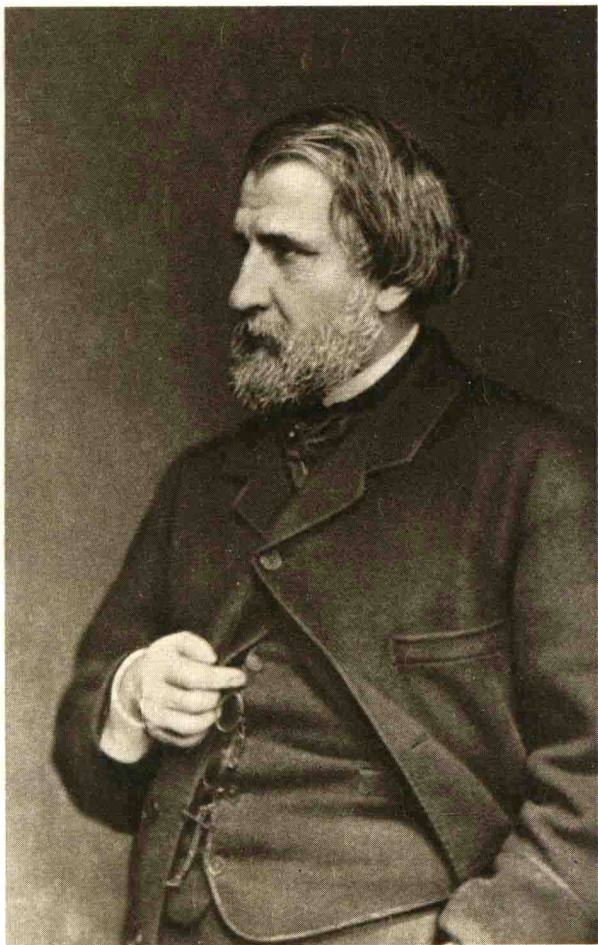

И. С. ТУРГЕНЕВ.
Фотография Тиссье, 1871 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

СОЧИНЕНИЯ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

♦

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1981

И. С. ТУРГЕНЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Том восьмой

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

1868—1872

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1981

Т $\frac{70302-251}{042(02)-81}$ Подписное 3702000000

© Издательство «Наука»,
1981 г. Примечания

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ИСТОРИЯ ЛЕЙТЕНАНТА ЕРГУНОВА

I

...В тот вечер Кузьма Васильевич Ергунов рассказал нам опять свою историю. Он повторял ее аккуратно раз в месяц, и мы слушали ее каждый раз с новым удовольствием, хотя знали ее чуть не наизусть, со всеми ее подробностями. Подробности эти обросли, если можно так выразиться, первоначальный ствол самой истории, как оценки обрастают срубленный пень. Слишком хорошо зная характер нашего собеседника, мы не затруднялись пополнять его недомолвки и пропуски. Но с тех пор Кузьма Васильевич умер, и уже рассказывать его историю будет некому, а потому мы и решаемся довести ее до всеобщего сведения.

II

Случилась она лет сорок тому назад, во время молодости Кузьмы Васильевича. Сам он говорил про себя, что был он тогда франт и красавец, кровь с молоком, губы имел румяные, волосы кудрявые и очи соколиные. Мы верили ему на слово, хотя ничего подобного в нем не находили: на наши глаза Кузьма Васильевич представлялся человеком наружности весьма обыкновенной, с простым и как бы заспанным лицом, грузным и нескладным телом. Но и то сказать: годы хоть какую красоту исказят! Следы франтовства более ясно сохранились в Кузьме Васильевиче. Он до старости носил узкие панталоны со штрипками, перетягивал свой дебелый стан, на затылке стриг, на лбу завивал свои волосы, и усы красил персидскою фаброй, которая, впрочем, отливала больше багрянцем и даже зеленью, чем чернотой. Со всем тем Кузьма Васильевич был весьма достойный дворянин, хотя за преферансом любил «запускать *глазенапа*» к соседям, то есть заглядывать им в карты; но это он делал

не столько из жадности, сколько из бережливости, ибо не любил попусту тратить деньги. Однако в сторону прибаутки: приступим к самому делу.

III

Дело это происходило весной, в тогда еще новом городе Николаеве, куда Кузьма Васильевич был откомандирован по казенному поручению. (Он служил лейтенантом во флоте.) Начальство вверило ему, как надежному и благоразумному офицеру, надзор за какими-то морскими постройками и от времени до времени выдавало в его распоряжение довольно значительные суммы, которые он, для большей безопасности, постоянно носил в кожаном поясе на теле. Кузьма Васильевич действительно отличался благоразумием и, несмотря на свои молодые годы, вел себя примерно; всяких неприличных поступков избегал тщательно, не прикасался к карт, вина не пил и даже общества чуждался, так что товарищи его, смирные — прозывали его красною девицей, а буйные — мямлей и рохлей. За Кузьмой Васильевичем водился один только грешок: он питал сердечную склонность к прекрасному полу; однако и тут умел сдерживать свои порывы и никакого «малодушества» себе не позволял. Он вставал и ложился спать рано, добросовестно исполнял свою обязанность, и единственное его развлечение состояло в вечерних, довольно продолжительных, прогулках по загородным улицам Николаева. Книг он не читал, ибо боялся приливов в голове; каждую весну он пил особый декокт против полнокровия. Надев мундир и старательно обчистившись веничком, Кузьма Васильевич отправлялся степенным шагом вдоль заборов фруктовых садов, часто останавливался, любовался красотами природы, срывал цветок на память и чувствовал некоторое удовольствие; но особенное наслаждение испытывал он только тогда, когда ему случалось встретить «купидончика», то есть хорошенькую мешаночку, спешившую домой в накинутой на плечи душегрейке, с узелком в голенькой ручке и с пестрым платочком на голове. Будучи, как он сам выражался, комплекции чувствительной, но скрёмной, Кузьма Васильевич не заговаривал с «купидончиком», зато приветливо улыбался ему, долго и внимательно глядел ему вслед... Потом вздыхал глубоко, отправлялся тем же степенным шагом

домой, садился у окошка и мечтал с полчаса, бережно покуривая крепкий вагштаф из большой пенковой трубки, подаренной ему крестным отцом, квартальным надзирателем из немцев. Так проходили дни, ни весело, ни скучно.

IV

Вот однажды, возвращаясь перед сумерками пустым переулком к себе на квартиру, Кузьма Васильевич услышал за собой торопливые шаги и прерывистые слова, смешанные с рыданиями. Он оглянулся и увидел девушку лет двадцати, с чрезвычайно приятным, но совершенно расстроенным и заплаканным лицом. Казалось, ее постигло большое и неожиданное горе: она бежала и спотыкалась на бегу, говорила сама с собой, охала, махала руками; ее белокурые волосы растрепались, а косынка (тогда еще не знали ни бурнусов, ни мантилий) соскользнула с плеч и держалась на одной булавке. Одета была девушка как барышня, не как мещанка.

Кузьма Васильевич посторонился; чувство сострадания победило в нем опасение смалодушничать, и когда она с ним поравнялась, он вежливо прикоснулся к козырьку своего кивера и спросил ее о причине ее слез.

— Потому, — прибавил он и положил руку на кортик, — я, как всенный человек, могу помочь.

Девушка остановилась и, по-видимому, в первое мгновение не совсем ясно поняла, чего он хотел от нее; но тотчас же, как бы обрадовавшись случаю высказаться, заговорила на не совсем чистом русском языке.

— Помилуйте, господин офицер, — начала она, и слезы посыпались дождем по ее миловидным щекам, — что же это такое! Это ужаси, это бог знает что! Нас совсем ограбили, помилуйте! Кухарка всё, всё унесла, всё — сервиз, щикатулку и платье... да... и платье даже, и чулки, и белье... да... и тетенькин ридикюль, там еще была двадцатипятирублевая бумажка в такой маленький футляр, и две ложки анпликэ... и еще салоп, и всё... И это я всё говорю господину квартальному поручику, а господин квартальный поручик говорит: «Подите вон, не верю, не верю... Слышать, слышать не хочу, вы сами такие же!» Я говорю: «Помилуйте, салоп...», а он: «Слышать, слышать не хочу!» Так обидно, господин офицер! Подите, говорит, вон... вон!.. Да куда же я пойду?

Девушка судорожно, почти с воплем зарыдала и, совершенно растерявшись, приклонилась к рукаву Кузьмы Васильевича... Он смутился в свою очередь — и замер на месте, только изредка повторяя: «Полноте, полноте!», а сам всё глядел на тонкий, беспрестанно вздрагивавший затылок огорченной девушки.

— Позвольте, я провожу вас, — сказал он наконец, слегка касаясь указательным пальцем ее плеча, — а то тут на улице, вы понимаете, никак невозможно. Вы объясните мне ваше неудовольствие, и, конечно, я приложу всё старание... как офицер.

Девушка приподняла голову и, казалось, в первый раз хорошенько разглядела молодого человека, который, можно сказать, держал ее в своих объятиях. Она застыдилась, отвернулась и, всё еще всхлипывая, отошла немного в сторону. Кузьма Васильевич возобновил свое предложение. Девушка посмотрела на него искоса, сквозь мокрые от слез волосы, падавшие ей на лицо (Кузьма Васильевич на этом месте рассказа всякий раз уверял нас, что этот взгляд пронзил его «словно шилом», а однажды даже попытался представить нам этот удивительный взгляд), и, положив свою руку на подставленную калачиком руку услужливого лейтенанта, отправилась вместе с ним на свою квартиру.

V

Кузьма Васильевич в жизни своей мало имел обращения с дамами и потому затруднялся, с чего бы начать беседу, но спутница его сама залепетала весьма речисто, беспрестанно утирая беспрестанно накапливавшиеся слезы. Несколько мгновений спустя Кузьма Васильевич уже знал, что ее звали Эмилией Карловной, что она была родом из Риги, а в Николаев приехала погостить к своей тетеньке, которая тоже была из Риги, что ее папенька также служил в военной службе, но умер «от груди»; что у тетеньки была кухарка из русских, очень хорошая и дешевая, только без паспорта, и что самая та кухарка в самый тот день их обокрала и сбежала неизвестно куда. Надо было идти в полицию — in die Polizei... Но тут воспоминания о квартальном, о нанесенной обиде нахлынули снова... и снова разразились рыданья. Кузьма Васильевич опять затруднился, что бы сказать такое утешительное... Но девушка, у

которой, по-видимому, все впечатления и приходили и уходили очень скоро, внезапно остановилась и, протянув руку, спокойно промолвила:

— А вот наша квартира!

VI

Квартира эта состояла из плохенького, словно в землю вросшего домика, с четырьмя крошечными окошками на улицу. Темная зелень гераниума застилала их изнутри, в одном из них теплилась свечка: ночь уже надвигалась. От самого домика и почти в уровень с ним тянулся бревенчатый забор с едва заметною калиткой. Девушка подошла к ней и, найдя ее запертою, нетерпеливо заколотила железным кольцом заржавелого замка. Послышались за забором тяжелые шаги, словно кто шел, небрежно шаркая, в стоптанных туфлях, и хриплый женский голос спросил что-то по-немецки, чего Кузьма Васильевич не понял: он, как истый моряк, не знал ни одного языка, кроме русского. Девушка отвечала тоже по-немецки; калитка чуть-чуть отворилась и, впустив девушку, тотчас захлопнулась перед самым носом Кузьмы Васильевича, который, однако, успел разглядеть среди полумрака летних сумерек облик толстой старухи в красном платье, с тусклым фонарем в руке. Пораженный изумленьем, Кузьма Васильевич остался некоторое время неподвижен на улице; но при мысли, что с ним, военным офицером, так невежливо поступают (Кузьма Васильевич весьма дорожил своим званием), он почувствовал прилив негодования, круто повернул налево кругом и направился домой. Он еще десяти шагов не отошел, как калитка опять отворилась, и девушка, уже успевшая пошептаться со старухой, показалась на пороге и громко воскликнула:

— Куда же вы, господин офицер! Пожалуйте к нам!

Кузьма Васильевич поколебался немного, однако вернулся.

VII

Его новая знакомая, которую мы отныне будем звать Эмилией, ввела его через темный и сырой чуланчик в довольно большую, но низкую и неопрятную комнату, с громадным шкафом у задней стены, клеенчатым диваном, облупившимися портретами двух архиепископов в клобуках и одного турка в чалме над дверями и между окон,

картонками и коробками по углам, разрозненными стульями и кривоногим ломберным столом, на котором лежала мужская фуражка возле недопитого стакана с квасом. Вслед за Кузьмой Васильевичем вошла в комнату и замеченная им у калитки старуха в красном платье, которая оказалась весьма неблагообразною жидовкой, с угрюмыми свинными глазками и седыми усами на одутловатой верхней губе. Эмилия указала на нее Кузьме Васильевичу и промолвила:

— А вот моя тетенька, мадам Фритче.

Кузьма Васильевич несколько удивился, однако почел долгом отрекомендоваться. Мадам Фритче посмотрела на него исподлобья, ничего ему не ответила и спросила свою племянницу по-русски: не хочет ли она чаю?

— Ах да, чаю! — подхватила Эмилия, — не правда ли, господин офицер, вы будете кушать чай? Да, тантушка, дайте чаю!.. Но что же вы стоите, господин офицер? Садитесь! Ах, какой вы церемонный! Позвольте, я сниму косынку.

Когда Эмилия говорила, она беспрестанно поворачивала голову из стороны в сторону и подергивала плечиками; птицы так делают, когда сидят на высокой голой ветке и со всех сторон освещены солнцем.

Кузьма Васильевич опустил на стул и, придав осанке своей надлежащую важность, а именно подпершись кортиком и устремив глаза на пол, навел речь на покражу. Но Эмилия тотчас перебила его.

— Не беспокойтесь, это ничего; тетенька мне сейчас сказала, что главные вещи сыскапы. (Мадам Фритче проворчала что-то себе под нос и вышла вон.) И совсем не надо было ходить в Polizei; но я никак не могу утерпеть, потому я такая... Вы не понимаете по-немецки?.. такая быстрая, immer so rasch! Но я уже не думаю об этом... aber auch gar nicht! ¹

Кузьма Васильевич посмотрел на Эмилию. Действительно, лицо ее приняло выражение самое беззаботное. Всё в нем улыбалось, в этом хорошеньком личике: и опущенные почти белыми ресницами глаза, и губы, и щеки, и подбородок, и ямочка на подбородке, и самый даже кончик вздернутого носа. Она подошла к маленькому зеркальцу возле шкафа и, попевая сквозь зубы и щурясь,

¹ ну, даже нисколько! (нем.).

стала поправлять волосы. Кузьма Васильевич пристально следил за ее движениями... Очень она ему нравилась.

VIII

— Вы меня извините,— заговорила она снова, слегка повертываясь перед зеркалом,— что я вас так... привела к себе. Может быть, вам неприятно?

— О, помилуйте!

— Я вам уже сказала: я такая быстрая. Сперва сделаю, потом подумаю. А иногда даже и не подумаю... Как вас зовут, господин офицер? Можно спросить? — прибавила она, подойдя к нему и скрестив руки.

— Меня зовут Ергунов, Кузьма Васильев.

— Ергу... Ах, это имя не хорошо!.. То есть трудно для меня. Я буду вас звать господин Флорестан. У нас в Риге был один господин Флорестан. Он продавал отличный гроденаплъ в магазине и был красавец. Не хуже вас. Но какой вы широкоплечий! Настоящий русский молодец! Я люблю русских... я сама русская... мой папенька был офицер. А руки у меня белее ваших! — Она подняла их над головой, помахала ими несколько раз по воздуху для того, чтобы кровь от них оттекла, и тотчас их опустила. — Видите? Я их мою греческим мылом... с духами... Понюхайте... Ах! да не целуйте... Я не затем... Где вы служите?

— Я служу в девятнадцатом черноморском экипаже, во флоте.

— А! Вы моряк! А что же, у вас большое жалованье?

— Нет... не очень-с.

— Вы, должно быть, очень храбры. Это сейчас видно по вашим глазам. Какие у вас густые брови! Говорят, их надо на ночь салом мазать, чтобы росли. Но отчего у вас усов нет?

— По форме не полагается.

— Ах, это нехорошо! Что это у вас, кинжал?

— Это кортик; кортик, так сказать, принадлежность моряков.

— А, кортик! Что, он острый? Можно посмотреть? — Она с усилием, закусив губы и щурясь, вытащила лезвие из ножен и приложила к нему носом. — О, какой тупой! Этак я вас сейчас убить могу.

Она замахнулась на Кузьму Васильевича. Он притворился, что испугался, и засмеялся. И она засмеялась.

— *Ihr habt pardon*, вы помилованы,— промолвила она, приняв величественную позу.— На, возьмите ваше оружие! А сколько вам лет? — спросила она вдруг.

— Двадцать пять.

— А мне девятнадцать! Как это смешно! Ах!

И Эмилия залилась таким звонким хохотом, что даже назад немного опрокинулась. Кузьма Васильевич не поднимался со стула и еще пристальнее прежнего глядел на ее розовое, трепетавшее от смеха лицо, и нравилась она ему всё больше и больше.

Эмилия вдруг умолкла и, напевая сквозь зубы — такая у ней была привычка,— снова подошла к зеркалу.

— Вы умеете петь, господин Флёрестан?

— Никак нет-с. Не выучен-с.

— А играть на гитаре? Тоже нет? А я умею. У меня есть гитара с перленмуттер¹, только струны порваны. Надо будет купить. Вы мне дадите денег, господин офицер? Я вам спою прекрасный немецкий романс.— Она вздохнула и закрыла глаза.— Ах, такой прекрасный! Но танцевать вы умеете? И это нет? *Unmöglich!*² Я вас выучу. Лакосез и вальс-казак. Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла...— Эмилия подпрыгнула раза два.— Посмотрите, какие у меня ботинки! «З'Варшавы». О! мы будем танцевать с вами, господин Флорестан! Но как вы называете меня будете?

Кузьма Васильевич осклабился и покраснел до ушей.

— Я буду вас звать: прекраснейшая Эмилия!

— Нет! нет! Вы должны звать меня: *Mein Schätzchen, mein Zuckerpüppchen!*³ Повторяйте за мною.

— С величайшим моим удовольствием, но я боюсь, для меня будет затруднительно...

— Всё равно, всё равно. Скажите: *Mein...*

— Мэ... ин...

— *Zucker...*

— Цук... кер...

— *Püppchen! Püppchen! Püppchen!*

— Пю... Пю... Этого я не могу-с. Нехорошо что-то

выходит.

¹ перламутром (нем.).

² Невозможно! (нем.).

³ Сокровище мое, душенька! *Буквально:* Сокровище мое, сахарная куколка! (нем.).

— Нет! Вы должны... Вы должны! А вы знаете, что это значит? Это по-немецки самое приятное для барышень слово. Я вам это растолкую после. А теперь вот тетенька нам самовар несет. Bravo! bravo! Тетенька, я буду пить чай со сливками... Есть сливки?

— So schweige doch! ¹ — отвечала тетенька.

IX

Кузьма Васильевич просидел у мадам Фритче до полуночи. С самого своего приезда в Николаев он еще не проводил такого приятного вечера. Правда, ему не раз приходило в голову, что офицеру и дворянину не следовало бы знаться с особами вроде рижской уроженки и ее «тантушки», но Эмилия такая была хорошенькая, так забавно болтала, так ласково на него поглядывала, что он махнул рукой на свое происхождение, звание и решился на этот раз пожить в «собственное удовольствие». Одно только обстоятельство его смущало и оставило в нем впечатление не совсем приятное. В самом разгаре разговора между им, Эмилией и мадам Фритче дверь из передней комнаты чуть-чуть растворилась, и мужская рука в темном обшлаге с тремя крошечными серебряными пуговками тихонько высунулась и тихонько положила на стул возле двери довольно большой узел. Обе дамы тотчас бросились к стулу и начали рассматривать принесенное. «Да это не те ложки!» — воскликнула Эмилия, но тетка толкнула ее локтем и унесла узел, не завязав концов. Кузьме Васильевичу показалось, как будто один из них был запачкан чем-то красным, словно кровью...

— Что это? — спросил он Эмилию. — Вам еще несколько краденых вещей возвратили?

— Да, — отвечала Эмилия, как бы нехотя, — еще.

— Это слуга ваш их отыскал?

Эмилия нахмурилась.

— Какой слуга? У нас нет никакого слуги.

— Так другой какой мужчина?

— К нам мужчины не ходят.

— Однако позвольте, позвольте... Я видел обшлаг мужского сюртука или венгерки. И, наконец, эта фуражка...

¹ Да замолчи же! (нем.).